

Тенденции регионального экономического сотрудничества

В советское время экономика Средней Азии формировалась как единый хозяйственный организм, включенный в общесоюзное разделение труда. При этом к Казахстану Госплан подходил как к самостоятельному и во многом самодостаточному территориально-производственному комплексу. Для всех республик без исключения связи через центр, представленный общесоюзными министерствами, абсолютно доминировали над территориальным взаимодействием. Однако в силу естественных причин среднеазиатские республики и Казахстан оказались связаны множеством хозяйственных нитей. Хотя процесс рыночного перехода и привел к свертыванию взаимодействия между ними, полностью отказаться от регионального сотрудничества центральноазиатские государства не в состоянии.

В начале 1994 г. Казахстан и Узбекистан договорились о создании региональной организации экономического сотрудничества. В апреле того же года к ним присоединился Кыргызстан, а марте 1998 г. Таджикистан. Главной заявленной целью Центральноазиатского экономического сообщества (ЦАЭС) является достижение экономической интеграции его участников.

Насколько планы региональной интеграции подкреплены экономическими предпосылками? В каком направлении развивается взаимодействие между центрально-азиатскими экономиками? Существуют ли основания для того, чтобы квалифицировать сотрудничество в Центральной Азии как интеграцию? Эти и смежные вопросы рассматриваются в настоящей главе через призму реальных процессов хозяйственного взаимодействия, разворачивающихся в регионе.

10.1. Динамика региональной торговли

Торговля является едва ли не единственной формой экономического взаимодействия центральноазиатских республик между собой

Совокупный внутрирегиональный экспорт достигавший в 1994 г. 2,1 млрд долл., сократился до 1,4 млрд долл. в 1995 г. и до 0,9 млрд долл. в 1999 г. Внутрирегиональный импорт сжался соответственно с 1,9 млрд долл. до 1,6 млрд долл. и 0,9 млрд долл. (см. табл. 6 и 7 Приложения к разд. II).

Основной вклад в сокращение внутрирегионального экспорта внесли Узбекистан и Туркменистан. Первый сократил поставки государствам центральноазиатского региона в 3,2 раза с 1,264 млрд долл. до 395 млн долл., второй - в четырнадцать раз, с 456 млн долл. до всего 33 млн долл. Почти вполнину сократил поставки соседям по региону Кыргызстан. В обозначенный период лишь Таджикистан несколько нарастил экспорт на соседние рынки.

Импорт из соседних государств в 1994-1999 гг. в Казахстане сократился в 5 раз, Узбекистане - 2,7 и Таджикистане - 1,2 раза.

Необходимо специально подчеркнуть, что речь идет о динамике стоимостных показателей внешней торговли в номинальных долларах. Учитывая хаотичную переключку внутренних и внешнеторговых цен, показатели эти за разные годы слабо сопоставимы друг с другом. В главе 8 мы уже говорили о том, что имеющаяся статистическая база не позволяет проследить динамику экспорта и импорта бывших советских республик на протяжении всех 90-х гг. Дело не только и не столько в том, что для этого отсутствуют многие необходимые данные¹. Принимая во внимание принципиально разные условия функционирования бывшей советской и нынешней переходной экономики, прямое сопоставление стоимостных рядов, относящихся к разным периодам, в экономическом смысле бессодержательно.

Одно несомненно: к середине 90-х гг. потоки ресурсов и товаров, вовлекаемые во внутрирегиональный обмен, по сравнению с началом текущего десятилетия весьма существенно сократились по объему. Так, если опираться на показатели в физическом выражении, в 1990-1994 гг. обмен электроэнергией между центральноазиатскими странами сжался более чем в 4,5 раза, природным газом в 1992-1994 гг. - в 1,6 раза, углем и минеральными удобрениями в 1991-1994 гг. - соответственно в 3,5 и 4,2 раза (см. табл. 8-11 Приложения к разд. II)

Казалось, что динамика взаимной торговли за 1995-1997 гг. давала основания полагать, что период экономического разбегания бывших республик позади, а их товарообмен между собой стабилизиро-

вался. Однако в 1998 г. в Центральной Азии начался новый этап сброса взаимной торговли, который, правда, несколько затормозившийся в 1999 г.

Наблюдаемый в отдельные годы в некоторых странах рост стоимости экспорта и импорта при падении физических объемов товарооборота вызван исключительно ценовым фактором. На всем постсоветском пространстве, и центральноазиатские страны в этом плане не исключение, внешнеторговые цены постепенно сближаются с условными среднемировыми. Рост цен может перекрывать сокращение физического объема ресурсов, вовлекаемых в торговый оборот. И хотя процесс сближения внутренних цен с мировыми развивается не беспрепятственно, с частыми обратными откатами, вектор ценовых перемен задан однозначно.

С учетом этого обстоятельства, на наш взгляд, говорить о росте торговли в постсоветском пространстве до 1996 г. включительно бессмысленно. Здесь наблюдался не рост экспорта и импорта в стандартном понимании, а рост стоимостной оценки внешнеторговых потоков. Постсоветские государства вышли в основном на мировые или существенно приближенные к ним цены во взаимной торговле к концу 1996 г. Поэтому практически все без исключения стоимостные показатели за 1992-1996 гг. слабо сопоставимы между собой.

Показатели на конец 90-х гг., которые приближены к рыночным реалиям, показывают, что в наибольшей зависимости от рынков соседних государств находятся Кыргызстан и Таджикистан. В 1999 г. Центральная Азия поглотила 22,9% кыргызского экспорта. В том же году страны региона обеспечили 22,3% кыргызского импорта. Главные торговые партнеры Кыргызстана в регионе Казахстан и Узбекистан. В 1999 г. на эти две страны пришлась львиная доля кыргызской торговли с регионом (см. табл. 5 и 6 Приложения к разд. II).

Еще более плотно встроен в региональные торговые потоки Таджикистан. Причем особенно высока его зависимость от соседей по региону по импорту. В отличие от Кыргызстана, который примерно одинаково зависит от узбекских и казахских поставок, таджикский импорт из Центральной Азии почти исключительно узбекского происхождения. В 1999 г. Узбекистан обеспечил более 70% импорта Таджикистана из Центральноазиатского региона. Зависимость таджикской экономики от региона по экспорту менее высока. В том же году на

Центральную Азию пришлось 27,5% таджикского экспорта, львиную долю которого поглотил все тот же Узбекистан².

Намного меньше зависят от внутрирегиональной торговли Узбекистан и особенно Казахстан и Туркменистан. В 1994-1996 гг., по весьма приблизительным оценкам, удельный вес поставок на центрально-азиатские рынки в совокупном экспорте Узбекистана упал с 47% до 8,2%, а впоследствии незначительно колебался относительно этого уровня. Аналогичный показатель по импорту упал с 22,1% в 1994 г. до 6,9% в 1999 г.

Туркменистан, который и в советское время был интегрирован в среднеазиатский хозяйственный комплекс исключительно через газ и электроэнергетику, в последние несколько лет свел свою зависимость от торговли с соседями по региону до минимума. В 1994-1999 гг. удельный вес центральноазиатских рынков в совокупном экспорте этой страны сократился с 21,3% до 2,9%, а в импорте остался примерно на уровне 6-7%. Однако наиболее существенно относительная значимость торговли с соседними странами упала в Казахстане.

Относительное, а во многих случаях и абсолютное сжатие региональной торговли объясняется как отсечением прежних поставок неэкономического характера, так и переориентацией потоков ресурсов на рынки платежеспособных государств, главным образом вне пределов бывшего Советского Союза. С конца же 90-х гг. решающее значение стал играть опережающий рост торговли Казахстана с географически отдаленными рынками.

Какова макроэкономическая значимость внутрирегиональной торговли для центрально-азиатских стран? Для ответа на этот вопрос мы рассчитали их экспортно-импортные квоты в ВВП, пересчитанные в американские доллары по официальным обменным курсам национальных валют (см. табл. 1). К этим показателям следует относиться с осторожностью. В первую очередь потому, что номинальный долларовой объем ВВП решающим образом зависит от политики обменного курса, которая может быть подвержена слабопредсказуемым изменениям. Например, Узбекистан и Туркменистан регулируют обменный курс административными методами, поэтому предсказать, на каком уровне равновесия стабилизируются сум или манат в случае либерализации политики обменного курса, не представляется возможным. Кыргызстан в 1994-1995 гг. пытался использовать номинальный курс

сома в качестве якоря в своей антиинфляционной политике. При этом уровень фиксации сома по отношению к доллару был завышен, во всяком случае не подкреплен положительным торговым и платежным балансом, и опирался исключительно на масштабные относительно размеров национальной экономики внешние заимствования. Неудивительно поэтому, что осенью 1996 г. сом провалился более, чем на одну треть, потянув за собой вниз долларovou оценку ВВП. Однако и новый уровень поддержки сома, выбранный правительством на 1997-1998 гг., оказался завышенным. Соответственно после девальвации осени 1998 г. долларовой ВВП Кыргызстана оказался заметно ниже по сравнению с предыдущим годом. Эти постоянные раскочки долларовой оценки валового внутреннего продукта, в свою очередь, провоцируют резкие изменения экспортной и импортной квот.

Тем не менее, при всех очевидных ограничениях, динамика экспортных и импортных квот дает возможность сделать важные практические выводы. Оказывается, что экономика Таджикистана критически зависит от торговли с соседями по региону. В 1999 г. удельный вес таджикского экспорта на центральноазиатские рынки достигал 17,3% ВВП, импортная же квота региона составляла 33,2% валового внутреннего продукта этой страны.

Таблица 1

Макроэкономическая значимость торговли с соседями по региону*

	Отношение регионального экспорта к ВВП, %					Отношение регионального импорта к ВВП, %				
	1995	1996	1997	1998	1999	1995	1996	1997	1998	1999
Казахстан	2,0	2,0	1,4	1,1	1,2	3,3	1,8	0,7	0,7	1,2
Кыргызстан	9,8	13,3	11,3	8,3	8,7	15,0	16,2	12,4	13,3	11,2
Таджикистан	22,2	22,3	21,7	11,5	17,3	52,0	25,3	36,5	28,1	33,2
Туркменистан				2,0/4,0	0,8/2,1				2,4/4,7	1,8/4,8
Узбекистан	6,0/6,6	2, 7,0/3,3	3,0/4,2	2,4/3,4	2,4/9,9	4,2/4,7	2,0/2,5	2,0/2,8	1,4/2,0	1,4/5,4

* - по Туркменистану и Узбекистану ВВП рассчитан по официальному обменному курсу и курсу "черного" рынка

Подсчитано по данным табл. 5 гл. 4 и источникам к табл. 6 и 7. Приложения к разд. II.

Конечно, во многом такое положение связано с неадекватностью таджикской статистики. Если использовать ее без необходимых корректировок, то получается, что в 1994 г., например, как экспорт, так и импорт превосходили номинальный долларовой ВВП. Ясно, что

такая ситуация является следствием существенной недооценки валового внутреннего продукта национальной статистической службой.

Вместе с тем свести все к техническому несовершенству национальной статистики было бы не совсем верно. Ситуация с экспортными и импортными квотами в Таджикистане не просто техническая ошибка, но отражение специфической экономической реальности. Единой национальной экономики в этой стране попросту не существует. Экономическое пространство дезинтегрировано по регионально-клановому принципу, а немногие уцелевшие производственные активы, включая экспортные производства, обслуживают криминальные и/или офшорные структуры и компании.

Внешняя торговля в подобной ситуации полностью оторвана от внутренней экономики. Подлинные хозяева, установившие контроль над экспортными предприятиями, причем не обязательно формализованный и тем более легальный, заботятся исключительно о максимально быстром личном обогащении любыми способами. Потребляя местные ресурсы и рабочую силу для производства экспортной продукции, реальные собственники не возвращают выручку обратно в национальную экономику. Экспортные доходы просто оседают на банковских счетах за рубежом.

Оказывается также, что макроэкономическая значимость внутрирегиональной торговли для Казахстана столь же мала, как и для Туркменистана. Региональные экспортные квоты двух государств в 1999 г. составляли всего соответственно 1,2% и 0,8%/2,1% ВВП, а импортные - 1,2% и 1,8%/4,8%. Это связано как с динамикой ВВП, долларова оценка которого в обеих странах к концу 90-х гг. оказалась достаточно высокой, так и абсолютным сокращением торговли с соседями по региону.

До середины 90-х гг. Узбекистан занимал промежуточное положение между Казахстаном и Туркменистаном, с одной стороны, и Таджикистаном и Кыргызстаном, с другой. С 1996 г. торговля с соседями теряет свою макроэкономическую значимость и для этой страны. В 1999 г. региональная экспортная квота в узбекском ВВП упала до 2,4%/9,9%, а аналогичная импортная квота - до 1,4%/5,4%. Иначе говоря, Узбекистан стал столь же незначительно зависеть от внутрирегиональной торговли, как и Казахстан, и Туркменистан.

10.2. Фантом центральноазиатской интеграции

Удивительно, что на фоне сокращения взаимной торговли, остающейся единственным серьезным каналом экономического сотрудничества постсоветских государств между собой, все 90-е гг. в Центральной Азии нарастала проинтеграционная риторика.

Статистическим индикатором экономического разбегания экономик Центральной Азии друг от друга может служить отношение объемов торговли между членами региональной группировки к совокупным экспортным и импортным потокам. Такие показатели были рассчитаны нами за 1994-1999 гг., причем в максимально возможном количестве вариантов (см. табл. 2).

Анализ материалов таблицы позволяет придти к однозначным выводам. Во-первых, какую бы группировку центральноазиатских государств мы не взяли, значимость внутрирегиональной торговли здесь сокращается, что особенно характерно для экспорта. Учитывая стремление национальных производителей переориентироваться на платежеспособные рынки, иной динамики было бы трудно ожидать. Можно сказать, что глобальные экономические связи для центрально-азиатских государств все заметнее преобладают над региональными.

Во-вторых, Центральная Азия в составе пяти государств или в урезанном варианте, без Туркменистана, представляет собой несомненно более тесное торговое объединение, чем первоначальный вариант Центральноазиатского союза. С точки зрения значимости взаимной торговли тройка Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан - наиболее рыхлое образование на постсоветском пространстве. При этом изначально низкая значимость торговых связей внутри тройки имеет тенденцию к дальнейшему сокращению. Если в 1994 г. удельный вес взаимного экспорта трех стран в их совокупном экспорте составлял 12,2%, то в 1999 г. этот показатель упал до 4,3%. По импорту соответствующие показатели составляли 10,4% и 5,6%. Для Центральной Азии в целом соответствующие показатели составляли 24,0% и 8,2% и 21,7% и 9,9%.

Закономерен вопрос: каковы ближайшие перспективы торгового сотрудничества центральноазиатских государств? Не получится ли так, что центробежные тенденции первой половины 90-х годов, нацеливавшие новые независимые государства на разбегание, исчерпали

себя и в ближайшее время сменятся на обратные? Частично ответы на эти вопросы уже даны при анализе сдвигов в структуре производства и занятости, разворачивающихся в экономике государств региона (см. гл. 4), а также изменений в отраслевой структуре экспорта (см. гл. 6).

Таблица 2

Удельный вес внутрирегиональной торговли в совокупном экспорте и импорте, %*

	1994	1995	1998	1999
Экспорт				
Центральная Азия - 3	12,2	8,0	5,1	4,3
Центральная Азия - 4	24,9	13,3	8,0	7,7
Центральная Азия - 5	24,0	11,8	8,6	8,2
Импорт				
Центральная Азия - 3	10,4	10,4	6,2	5,6
Центральная Азия - 4	24,6	19,2	9,7	9,9
Центральная Азия - 5	21,7	17,2	10,1	9,9

* - учитывается только организованная торговля.

Центральная Азия - 3: Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан.

Центральная Азия - 4 Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан

Центральная Азия- 5: Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан

Подсчитано по: данным источников к табл 1 и 2 Приложения к разд. II, а также данным таможенной статистики центрально-азиатских стран.

Если обратиться к укрупненной отраслевой структуре внешней торговли центрально-азиатских государств, то обнаруживается, что основу экспорта Казахстана, Таджикистана и Туркменистана составляют нефть и газ, нефтепродукты, электроэнергия, черные и цветные металлы. В 1998-2000 гг. на эти две товарные группы приходилось 81,8% совокупного экспорта Казахстана, 95,9% Туркменистана и 82,3% Таджикистана*. В Узбекистане основными экспортными товарами являются хлопок и золото, а также электроэнергия и природный газ. Лишь в Кыргызстане экспорт более или менее диверсифицирован за счет , продукции сельского хозяйства, а также пище-вкусовой и текстильной промышленности.

Слабое развитие обрабатывающей промышленности исключает возможность интеграции между центральноазиатскими экономиками. С учетом же продолжающегося в регионе инвестиционного кризиса, во всяком случае вне пределов сырьевого сектора, трудно ожидать, что обрабатывающая промышленность получит здесь заметное развитие и в обозримой перспективе.

Соответственно в основе и регионального товарообмена лежат топливно-энергетические товары, а также сельскохозяйственная продукция, главным образом зерно. В Казахстане, например, на эти две товарные группы в 1998 г. приходилось около 70% экспорта в Кыргызстан и более 80% экспорта в Таджикистан и Узбекистан (см. табл. 3). Взаимная торговля машинами, оборудованием и транспортными средствами сведена в регионе до минимума.

Предельно очевидно, что возможность наращивания торгового обмена между центрально-азиатскими государствами затруднена схожестью структуры экспорта. Повторимся, эти государства производят примерно одинаковый набор товаров, а потому их экономические структуры слабо взаимодополняемы друг с другом. Способность же заметно нарастить импорт из соседних стран упирается в ограниченную платежеспособность.

Даже Узбекистан, отказавшийся от экономической либерализации, очень неохотно идет на торговлю в замкнутых валютах и по бартеру. Нерыночные трансакции зарезервированы для внутреннего экономического пространства, на внешнем же рынке Узбекистан стремится действовать по общепринятым правилам. Казахстан и Кыргызстан сама логика проводимых в этих странах реформ подталкивает к максимальному отказу от неденежных форм торговли. Показательно, что удельный вес экспорта за свободно конвертируемую валюту в совокупном экспорте Казахстана в 1995-1998 гг. вырос с 43,3% до 71% (подсчитано по данным табл. 4).

При всем том следует учитывать одно важное обстоятельство. Экспорт и импорт всех пяти государств Центральной Азии довольно жестко привязан к ограниченному числу рынков. Сколь бы незначительной не была макроэкономическая значимость поставок в соседние страны, сохранение их в качестве экспортных рынков остается первоочередной задачей для всех пяти центральноазиатских государств, включая Казахстан, Туркменистан и Узбекистан. Для Таджикистана

же и Кыргызстана реальной альтернативы наращиванию внутрирегиональной торговли попросту не существует.

Таблица 3
Структура экспорта и импорта Казахстана в соседние страны в 1998 г., %

	Экспорт			Импорт		
	Кыргызстан	Таджикистан	Узбекистан	Кыргызстан	Таджикистан	Узбекистан
Сельскохозяйственное сырье растительного происхождения	19,8	68,6	51,3		-	
Пищевкусовая промышленность, напитки, табачные изделия	39,3	1,9	4,3	-	-	
Электроэнергия, нефть, газ	48,4	15,7	31,5	35,1	78,6	10,4
Машины, оборудование	5,2	1,0	3,9	3,9	4,5	0,6
Транспортные средства	0,9	7,0	1,0	2,7	3,8	19,0
Металлы	5,1	1,0	4,4	2,5	3,8	19,6
Химическая промышленность	3,8	3,3	3,1	2,7	3,3	43,2

Подсчитано по: база данных таможенной статистики Казахстана.

Таблица 4
Экспорт Казахстана в соседние страны по типам расчетов, млн долл.

	Всего	Замкнутые валюты	СКВ	Бартер
Кыргызстан				
1995	74,9	24,6	28,6	7,6
1996	111,6	40,9	46,5	3,0
1997	66,3	29,9	29,4	1,9
1998	62,8	19,3	31,4	5,2
Таджикистан				
1995	40,5	11,4	21,9	4,6
1996	60,7	23,0	29,6	0,2
1997	55,1	20,2	29,6	0,1
1998	42,2	12,9	25,3	1,1

Продолжение табл. 4

Узбекистан				
1995	153,1	55,9	65,8	24,3
1996	201,8	62,7	124,0	3,7
1997	148,4	22,9	119,2	3,2
1998	119,2	10,3	102,1	5,5
Всего 3 страны				
1995	268,5	91,9	116,3	36,5
1996	374,1	126,6	200,1	43,4
1997	269,8	73,0	178,2	5,2
1998	224,1	42,5	158,8	11,8

Подсчитано по: база данных таможенной статистики Казахстана

Нельзя не сказать и о том, что далеко не все торговые трансакции между странами региона получают отражение в официальной статистике. Матрицу взаимных торговых потоков можно составить двумя путями. Либо на основе данных экспортирующей страны, либо на базе статистики страны импортирующей. В идеале обе группы показателей, одни из которых, по идее, являются зеркальными отражениями других, должны совпадать. Говоря другими словами, экспорт, например, Казахстана в Узбекистан должен равняться импорту Узбекистана из Казахстана. Однако в случае центральноазиатских государств это далеко не так.

В табл. 5 представлена зеркальная матрица торговли между государствами региона за 1995 г. и 1998 г. Показатели верхней строки отражают официальную статистику экспортеров, нижней - импортеров. Поразительно, но ни один из парных показателей не совпадает, причем во многих случаях расхождения между ними являются просто вопиющими. В принципе, при анализе зеркальной матрицы торговли следует делать определенную поправку на то, что экспортные цены устанавливаются по методике «фоб», а импортные - по методике «сиф». Однако несовпадения зеркальных парных показателей в торговле между постсоветскими странами слишком велики для того, чтобы быть объяснены этим обстоятельством.

Если суммировать показатели верхней и нижней строк по всем пяти центрально-азиатским государствам, то расхождения между двумя суммами в 1995 г. составят около 215 млн долл., а в 1998 г. - около 240 млн долл. Похожая ситуация складывается на всем постсоветском пространстве. Так, в торговле Центральной Азии с Россией официальная статистика этих стран «теряет» около 1 млрд долл. в 1995 г. и около 0,5 млрд - в 1998 г.

Таблица 5

Зеркальная матрица торговли между центрально-азиатскими странами в 1995 и 1998 гг., млн долл.

Экс/Имп	Казахстан	Узбекистан	Кыргызстан	Туркменистан	Таджикистан	Всего	Россия
Казахстан							
1995	X	159,6 217,8	51,1 31,4	73,3 112,5	40,8 26,6	324,8 388,3	2102,6 2726,0
1998		119,0 161,0	62,8 75,3	12,3 8,2	42,2 6,4	236,3 250,9	1543,0 1885,0
Узбекистан							
1995	238,1 268,2	X	68,3 28,5	150,4 88,9	156,1 251,4	621,9 637,0	548,5 888,7
1998	118,0 96,3		50,3 122,0	40,7 39,6	122,0 7,1	331,0 265,0	411,0 531,0
Кыргызстан							
1995	66,8 30,8	70,0 34,1	X	2,2 3,8	8,3 2,7	147,3 71,4	104,8 101,2
1998	85,5 48,4	38,5 19,5		1,2 2,1	8,3 4,8	133,5 74,8	83,7 133,0
Туркменистан							
1995	127,4 241,3	21,3 98,7	6,9 18,6	X	5,4 57,4	161,0 416,0	66,8 60,8
1998	25,2 12,7	7,1 5,7	5,8 8,2		27,3 31,3	65,4 57,9	29,0 44,9
Таджикистан							
1995	7,0 12,1	132,0 73,0	2,6 4,8	2,2 1,9	X	143,8 91,8	95,3 167,0
1998	10,0 3,9	131,0 15,6	5,8 6,4	8,7 7,1		155,0 33,0	478,0 607,0
Всего							
1995						1389,8 1604,5	2954,3 3943,7
1998						921,2 681,6	2114,5 2654,6

Составлено и подсчитано по см источники к табл 1 и 2 Приложения к разд II

Понятно, что расхождение между двумя рядами данных объясняется широким распространением неконтролируемых торговых потоков, а также операций по отмыванию денег. Теневой оборот практически целиком становится прибылью теневых финансово-торговых и

промышленных структур. Чем больше различия между показателями, тем сильнее укоренена в стране теневая экономика. В Центральной Азии к лидерам в этом смысле относятся Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан.

Трудно сказать, сохранится ли теневой оборот в таких масштабах в том случае, если национальным правительствам удастся поставить нелегальную и неорганизованную торговлю под более или менее жесткий контроль, а также эффективно блокировать операции по отмыванию денег. Скорее всего, он резко сожмется по объему. Не секрет, что с экономической точки зрения значительная часть неконтролируемых торговых потоков неэффективна, а зачастую и убыточна. Поддерживаются они лишь потому, что являются относительно легким каналом для перекачки национальных ресурсов и бюджетных средств в личные состояния.

Имеются и другие императивы, делающие сотрудничество в регионе безальтернативным. Речь идет об унаследованных взаимозависимостях в области транспортной инфраструктуры и водно-энергетического хозяйства.

Взаимозависимость центральноазиатских государств определяется сохраняющимся с начала XX в. единством транспортной инфраструктуры. Первая крупная транспортная магистраль - Туркестанская железная дорога была построена в начале века и длительное время оставалась единственным путем, связывающим регион с центром Российской империи и внешним миром. Система современных автомобильных и железных дорог в советской Средней Азии была создана в 30-е-80-е гг. практически с нуля. Строилась эта сеть под единую централизованную плановую экономику. К тому же при ее создании военно-стратегические соображения нередко превалировали над экономическими. В советской военной доктрине Средняя Азия и Казахстан рассматривались как плацдарм для противостояния южному флангу НАТО и Китаю. В результате построенная сеть железных и автомобильных дорог ориентируется не вовнутрь региона, а на Россию.

Вместе с тем межстрановые транспортные коммуникации внутри самого региона нередко развиты лучше, чем коммуникации в пределах отдельных государств. Так, Юг и Север Кыргызстана связаны между собой лишь единственной и плохо обустроенной автомобильной дорогой, состояние которой особенно в зимний период оставляет

желать лучшего. Горно-Бадахшанская область Таджикистана инфраструктурно практически отрезана от остальной части страны, но имеет относительно неплохие коммуникации с Узбекистаном и Кыргызстаном. Круглогодично функционирующая автомобильная трасса связывает город Хорог - центр Горного Бадахшана - с кыргызским Ошем. В зимний период - это практически единственная связь области, площадь которой составляет 44,5% территории Таджикистана, с внешним миром. Север Казахстана плотно встроено в транспортные коммуникации прилегающих областей российской Сибири, но слабо связан с Югом страны.

Такая ситуация с дорогами в Центральной Азии не является чем-то исключительным. Недостаточное развитие транспортной инфраструктуры и относительно большая развитость сетей регионального и межрегионального значения по сравнению с внутренними коммуникациями - удел всех слаборазвитых государств. Вместе с тем эти и подобные им особенности унаследованных транспортных систем препятствуют становлению целостных национальных экономических комплексов.

Не удивительно поэтому, что с момента достижения независимости центральноазиатские государства пытаются или хотя бы планируют выправить наиболее вопиющие перекосы в развитии транспортной инфраструктуры. Проблема, однако, заключается в том, что инфраструктурные проекты, как правило, капиталоемки и имеют длительный срок окупаемости.

Своеобразная асимметрия взаимозависимостей сохраняется между странами региона и по линии водно-энергетического хозяйства. С советских времен электроэнергетика Кыргызстана координировала свою работу с сельскохозяйственным циклом Узбекистана и Казахстана. Речь идет о гидроэнергетическом комплексе на реке Нарын. Осенью, зимой и ранней весной одно из крупнейших в регионе Токтогульское водохранилище, построенное на этой реке, накапливает запас воды, которая летом направляется на плантации в узбекской части Ферганской долины и рисовые чеки Казахстана в Кзыл-Ординской и Южно-Казахстанской областях⁴. Взамен Узбекистан и Казахстан покупали в Кыргызстане электроэнергию и поставляли туда природный газ и уголь. Уголь и газ давали возможность Кыргызстану вырабаты-

вать электроэнергию на тепловых электростанциях в зимний период, сберегая при этом запасы воды⁵.

Такая сложная система взаимопоставок позволяла учесть разнообразные интересы партнеров. К середине 90-х гг. Узбекистан потребил 59% электроэнергии, выработанной электростанциями Нарынского гидрокаскада, а Казахстан - 27%. Непосредственно в самом Кыргызстане было потреблено всего 14% выработанной электроэнергии⁶.

Сразу же после распада СССР отлаженная годами система взаимопоставок дала сбой. Продолжая получать из Кыргызстана воду, и Казахстан, и особенно Узбекистан, ссылаясь на внутренние хозяйственные трудности, стали время от времени перекрывать поставки угля и газа. Одновременно обе страны резко сократили закупки кыргызской электроэнергии. В Казахстане глубокий общеэкономический и промышленный спад сделал избыточными даже собственные генерирующие мощности, а Узбекистан принял курс на самообеспечение в производстве энергоносителей и электроэнергии.

Действия соседей заставили Кыргызстан прибегнуть к асимметричному ответу. Летом Токтогульская гидроэлектростанция вместо сброса выработки электроэнергии и накопления воды продолжала работать в интенсивном режиме, расходуя водные ресурсы, предназначенные для полива сельскохозяйственных угодий. В результате сложилась ситуация со слабopредсказуемыми последствиями. Дело в том, что Токтогульское водохранилище является доминирующим искусственным водоемом Нарын-Сырдарьинского гидроэнергетического каскада, причем водохранилищем многолетнего регулирования⁷. Говоря другими словами, объем и уровень воды в водохранилище определяет ситуацию на всех гидроэнергетических объектах, расположенных ниже по течению рек Нарын - Сырдарья, а также устойчивость работы аграрного сектора в Узбекистане и Казахстане, причем на несколько лет вперед.

Одновременно Кыргызстан инициировал обсуждение проблемы введения оплаты за использование водных ресурсов. В середине 1996 г. парламент Кыргызстана направил специальное послание парламентариям Казахстана, Узбекистана, а также Таджикистана, то есть всех тех государств, которые питаются водами Сырдарьи и более мелких рек ее бассейна.

Содержание послания вкратце сводилось к следующему. Во-первых, в силу неравномерности распределения водных ресурсов в регионе большая их часть сосредоточена в Кыргызстане, в горном массиве Ала-Тоо. В этих горах берет начало Сырдарья и формируется водный баланс четырех государств, в том числе густонаселенной Ферганской долины. Во-вторых, из 47 млрд куб. м воды, образующихся на территории Кыргызстана, лишь четверть потребляется внутри страны. Остальные 75% уходят в Узбекистан, Казахстан и Таджикистан. В-третьих, Кыргызстан несет огромные расходы по поддержанию в рабочем состоянии сложных гидротехнических, ирригационных и энергетических сооружений. Ежегодно на эти цели республика затрачивает не менее 70 млн долл. При этом сам Кыргызстан потребляет менее 7% накапливаемой воды⁸. Помимо того существуют и не прямые расходы, а также недополученные доходы. Такие крупные водохранилища, как Токтогульское, Андижанское, Папанское, Керкидонское, Кировское, Орто-Токойское и Касансайское расположены на территории Кыргызстана, однако обслуживают они преимущественно соседние государства - Узбекистан и Казахстан. При возведении этих водохранилищ в Кыргызстане было затоплено 46 тыс. га плодородных земель. Кроме того, в зимний период Нарынский гидроэнергетический/комплекс вместо того, чтобы вырабатывать электроэнергию, накапливает воду для обеспечения летних поливов в соседних государствах. Суммарные убытки и недополученная прибыль Кыргызстана были оценены в 60 млн долл. Соседи же, используя поступающие к ним водные ресурсы, увеличили площадь только поливных земель на более чем 7 млн га.

С учетом этих и сопутствующих моментов Кыргызстан предложил соседям распределить бремя расходов между всеми водопользователями региона⁹. Фактически Кыргызстан инициировал вопрос о введении платы за воду трансграничных рек. В качестве первого шага на этом пути республика ввела плату за воду на своей территории¹⁰.

В результате переговоров было найдено компромиссное решение. В качестве платы за воду Узбекистан увеличил, а точнее восстановил до уровня 1993 г. поставки газа в Кыргызстан. Причем по ценам существенно ниже среднемировых¹¹. Согласился продолжать обменивать уголь на воду и Казахстан. Этот пример один из многих в цепи вспыхивающих в регионе конфликтов, когда какая-либо страна пыта-

ется сбросить с себя бремя экономического донорства или решить собственные проблемы за счет соседей.

Таблица 6

*Поставки газа Туркменистаном и Узбекистаном государствам СНГ
в 1992-1998 гг., млн куб. м*

	1992	1993	1994	1995	1996	1998
Узбекистан						
- всего	3310	7238	4637	5624		3460
= Центральная	3310	7238	4637	5624		
Азия						
Казахстан	2892	4504	2739	3871		900
Таджикистан	294	1389	984	856		760
Кыргызстан	124	1345	867	877	1 150	900
Туркменистан	-	-	47	20		
Туркменистан						
- всего	40602	47462	26132			
= Центральная	14543	12008	8291			
Азия						
Казахстан	9724	6158	4747			
Узбекистан	1785	5850	1887			
Кыргызстан	1657	-	1657			
Таджикистан	1377	-	-			
= прочее СНГ						
Украина	12488	25462	11977			
Грузия	4856	3738	2386			
Азербайджан	3753	2297	2225			
Россия	3102	3126	2067			
Армения	1860	806	843			

* - данные за 1996 г. не строго сопоставимы с остальными.

Составлено и подсчитано по: Владимиров А. Ставка на иностранных инвесторов // Независимая газета, 17 февраля 1999. С. 4; Деловой мир, 15 января 1997. С. 1; Статистический бюллетень СНГ. 1996. № 11. С. 100; Внешнеэкономическая деятельность государств Содружества в 1994 г. С. 59; Экономика Содружества Независимых Государств в 1993 г. (Краткий справочник) С. 75; Экономика Содружества Независимых Государств (Краткий справочник) Л1 993. С. 59. 69.

Некоторые наблюдатели считают, что в 1992-1995 гг. Узбекистан пытался использовать зависимость соседей по региону в сфере энергоносителей для оказания на них политического давления¹². Считалось, что давление это осуществлялось в рамках не афишируемых, но вполне просматривавшихся претензий Узбекистана на региональное лидерство. В свете этих претензий обычно рассматривается и тот факт, что в 1992-1994 гг. Узбекистан явно попытался заменить Туркменистан в качестве основного поставщика природного газа в регионе (см. табл. 6).

Нам проблема взаимоотношений в центрально-азиатском газовом и в целом энерговодном многоугольнике видится несколько по-другому. В 1992-1993 гг. Туркменистан, нацелившийся на воспроизводство экономической модели «второго Кувейта», попытался сбросить со своего баланса неплатежеспособных соседей, которые были не в состоянии расплачиваться за достаточно крупные поставки природного газа даже встречным бартером. Уже к началу 1994 г. долги Казахстана Туркменистану за поставки газа превысили 60 млн долл.¹³ Показательно, что Казахстан согласился погасить свои газовые долги Туркменистану бартером лишь в марте 1997 г.¹⁴ К тому же Туркменистану вполне хватало проблем в торговле с Украиной и кавказскими республиками, которые в первой половине 90-х гг. оставались крупными и неплатежеспособными потребителями туркменского газа.

Полностью отрубить Казахстан от поставок газа Туркменистан не мог хотя бы потому, что магистральный газопровод, по которому туркменский газ транспортируется в Россию и далее на платежеспособные рынки в Европу, проходит в том числе и по казахстанской территории. В такой ситуации замена туркменского газа узбекским выглядела вполне естественно. Тем более что газопровод, связывающий центральноазиатские государства, проходит и по территории Узбекистана, который зависит от взаимной торговли с соседями по региону в гораздо большей степени, чем Туркменистан. Если в решении Узбекистана и имелись какие-то политические расчеты, то они выступали скорее довеском к соображениям экономической целесообразности. Другое дело, что практически сразу же Узбекистан столкнулся с неплатежеспособностью и Казахстана, и Кыргызстана. К концу 1994 г. долг Казахстана за узбекский газ достиг 13 8 млн долл.¹⁵ Долг Кыргызстана за поставки узбекского газа постоянно превышал 10 млн долл.¹⁶

Такой высокий объем задолженности объясняется тем, что Узбекистан попытался форсированно приблизить цены на экспортируемый газ к мировому уровню. В 1994 г. Казахстан получал газ по цене 80-84 долл. за один млн куб. м¹⁷.

Пытаясь заставить должников расплатиться, Узбекистан стал регулярно перекрывать поставки газа¹⁸. Со своей стороны и Казахстан, и Кыргызстан быстро нашли асимметричные ответы. Для Кыргызстана весомым экономическим аргументом для диалога с Узбекистаном стала, как уже отмечалось, вода. Поставки узбекского газа в Кыргызстан во второй половине 90-х гг. стабилизировались на уровне 900-1000 млн куб. м. При этом два государства заключают между собой разовые платежные соглашения, предполагающие смешанную форму оплаты как деньгами, так и клиринговыми поставками¹⁹.

Казахстан же в качестве контраргументов использовал задолженность узбекских потребителей за перевозку грузов по казахским железным дорогам, а также зависимость Узбекистана от импорта зерновых. Например, к февралю 1996 г. долги Узбекистана казахстанским железнодорожным перевозчикам оценивались в 160 млн долл.²⁰ Высокой до последнего времени оставалась зависимость Узбекистана и от импорта казахстанского зерна, часть которого осуществлялась по клирингу в рамках двусторонних межправительственных соглашений²¹. Предъявленные контраргументы заставили Узбекистан снизить экспортные цены на газ до 50-55 долл.²² Однако экспорт узбекского газа в Казахстан во второй половине 90-х гг. заметно сократился, что связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, ввиду глубокого спада в Казахстане резко сократилась потребность в электроэнергии. Во-вторых, узбекский газ был, по-видимому, замещен российским.

Описанные выше и многие другие сходные проблемы взаимных расчетов не могут быть решены на уровне непосредственных производителей и потребителей, так как большинство из них платежеспособны только условно. К тому же повсеместно в постсоветских государствах конечные потребители не платят за поставки электроэнергии и энергоносителей. Для распутывания периодически накапливающихся межгосударственных платежных претензий требуется вмешательство на уровне правительств. Только они в состоянии оперировать потоками финансовых средств и физических ресурсов на макроуровне, принимая решение об обмене газовых долгов одних экономических аген-

тов на задолженность железнодорожным перевозчикам, или договариваться о клиринговой торговле по ценам существенно отличающимся от мировых. Переходный характер центральноазиатских экономик, который в силу естественных причин будет сохраняться еще много лет, обуславливает необходимость такого рода вмешательства. Однако рано или поздно такие паллиативные решения должны уступить место рыночным.

В стратегическом плане против паллиативных нерыночных способов регулирования двусторонних экономических отношений работает логика реформ, осуществляемых в Казахстане и Кыргызстане. И без того далеко обогнавшие Узбекистан в вопросах либерализации экономики и ее институциональной перестройки путем приватизации, обе страны во второй половине 90-х гг. предприняли дополнительные решительные шаги по окончательному демонтажу планово-распределительной системы советского типа. С 1996 г. правительство Казахстана, например, окончательно сняло с себя ответственность за неплатежи потребителей.

Существует большой соблазн объяснить казахско-кыргызское экономическое сближение скрытой борьбой за региональное лидерство между Казахстаном и Узбекистаном, либо стремлением Кыргызстана компенсировать свою относительную слабость в диалоге с тем же Узбекистаном. Не отмечая полностью эти соображения, мы все же считаем, что формирование спарки Казахстан-Кыргызстан имеет под собой фундаментальное экономическое основание. По типу экономической политики и формирующейся институциональной системы оба государства, несомненно, намного ближе друг другу, чем развивающиеся наособицу два других участника ЦАЭС-Узбекистан и Таджикистан. Сближает Казахстан и Кыргызстан и несопоставимо большая демократичность сложившихся политических режимов, а также достаточно высокая степень информационной открытости.

Определенное сближение этих двух стран не означает, что их отношения свободны от противоречий и конкуренции. Время от времени, пользуясь тем, что узбекский газ поступает в Казахстан по трубопроводу, проходящему через Бишкек, Кыргызстан выбирает часть казахской квоты аналогично тому, как это делает Украина с российским газом, направляемым в Европу²³. В 1995 г. стороны провели нелегкие переговоры по проблеме погашения казахской задолженнос-

ти Кыргызстану в объеме 45,4 млн долл. за электроэнергию. На основе взаимных уступок Кыргызстан согласился снизить цену на поставляемую электроэнергию почти в два раза - с 3,5 до 1,9 цента за один киловатт²⁴. Под нажимом Кыргызстана Казахстан согласился начать рассмотрение вопросов о создании единого энергетического пула двух стран²⁵.

При любом обострении внутренней экономической ситуации все постсоветские страны стремятся снизить собственные издержки за счет соседей. В начале 1999 г. Казахстан ввел запретительные импортные пошлины на кыргызские товары, а также начал квотировать и лицензировать ввоз кыргызского цемента. Ограничения на импорт из Кыргызстана были сняты лишь в конце года²⁶. Аналогичная система мер была введена против узбекского импорта. Узбекистан со своей стороны ответил введением 100% акциза на казахский импорт и отказался перейти на взимание косвенных налогов по месту потребления товаров.

В еще более жестком режиме в сравнении со спаркой Казахстан - Кыргызстан развиваются отношения по линии Узбекистан-Таджикистан.

Ленинабадская область представляет собой наиболее развитую часть Таджикистана, производящую львиную долю ВВП страны, в том числе и потому, что ее хозяйство подверглось минимальному разрушению в ходе военных столкновений первой половины 90-х гг. Даже при беглом взгляде на географическую карту очевидно, что эта область, клином вдающаяся в Ферганскую долину и отделенная от остальной территории Таджикистана горной грядой, экономически должна ориентироваться на Узбекистан и Кыргызстан. В Таджикской ССР электроэнергетическая система была разделена на южную и северную части, при этом последняя была теснее интегрирована с узбекской. В свою очередь, Ферганская долина Узбекистана соединялась с остальной частью страны через таджикские линии электропередачи²⁷.

Не удивительно поэтому, что среди центральноазиатских государств основным экономическим партнером Таджикистана является Узбекистан. На последний в 1999 г. приходилось более 95% таджикского экспорта в регион и более 70% таджикского импорта из региона (подсчитано по табл. 3 и 4 Приложения к разд. II). В 1995-1999 гг. Узбекистан устойчиво входил в тройку ведущих экспортных рынков

Таджикистана и оставался главным поставщиком товаров в эту страну (см. там же).

Львиная доля таджикского экспорта в Узбекистан приходится на поставки электроэнергии, второй по значимости экспортной статьей является необработанный алюминий²⁸. Встречным потоком в Таджикистан идут главным образом те же электроэнергия и газ.

Масштабные взаимные перетоки электроэнергии сохранились между двумя государствами с советских времен. Если в настоящее время баланс складывается в пользу Узбекистана, то ранее электрическим донором выступал Таджикистан, располагавший дешевой в системе советских «внутренних цен» гидроэлектроэнергией. Лишь в зимний период, когда поток воды в горных реках спадал, сезонный дефицит электроэнергии в Таджикистане покрывался за счет узбекских поставок. В настоящее время Узбекистан является поставщиком электроэнергии, в том числе и на алюминиевый завод в г. Турсунзаде, который обеспечивает более 50% таджикского экспорта и основную долю экспортных поступлений в свободно конвертируемой валюте²⁹.

Критическая зависимость Таджикистана от Узбекистана проявляется и в других областях. Так, единственная железнодорожная ветка, связывающая таджикский алюминиевый завод с внешним миром, проходит через узбекскую территорию³⁰. Помимо того, туркменский газ может поступать в Таджикистан лишь через Узбекистан. В принципе, Узбекистан также критически зависит от Таджикистана по воде. Иригационные системы Ленинабадской и Хатлонской областей практически составляют единое целое с сопредельными узбекскими территориями.

В экономике отношения двух государств можно охарактеризовать как "ведущий - ведомый". При высокой взаимозависимости национальных экономик друг от друга роль лидера в этой спарке принадлежит Узбекистану. Де-факто отношения "ведущий - ведомый" были оформлены в начале 1995 г., когда Узбекистан согласился реструктурировать таджикский долг в размере 198,96 млн долл. до 2000 г.³¹ В начале следующего года Таджикистан подтвердил свои долговые обязательства Узбекистану в размере 199,802 млн долл., которые были вторично реструктурированы уже до 2003 г.³²

С учетом этих и других моментов тесное экономическое и политическое взаимодействие с Россией представляет для Таджикистана

определенный противовес в его отношениях с Ташкентом. Без этого Таджикистан быстро бы скатился до статуса несамостоятельного придатка Узбекистана.

Как следует из приводимых фактов, отношения в ЦАЭС далеки от идиллии. Время от времени между центральноазиатскими странами вспыхивают острые конфликты по поводу платежей и использования природных ресурсов. В принципе, аналогичная картина наблюдается на всем постсоветском пространстве. При этом в основе конфликтов лежит прежде всего экономика.

По понятным причинам не продвинулось в Центральной Азии и сотрудничество в инвестиционной сфере. На уровне президентов и правительств была утверждена специальная программа сотрудничества, в которую вошло более 50 новых проектов для совместной реализации. Для реализации программы участники ЦАЭС создали Центральноазиатский банк сотрудничества и развития (ЦАБСР), который призван сыграть роль информационно-аналитического центра, а главное инвестиционного механизма, переводящего интеграцию в практическую плоскость. К настоящему моменту банк предоставил несколько мелких кредитов объемом до 300 тыс. долл.³³ Объемы финансирования исчерпывающе свидетельствуют о том, что совместные проекты сотрудничества имеют скорее символический характер.

Уже через несколько месяцев после его создания Узбекистан высказал разочарование в деятельности ЦАБСР³⁴. Разочарованность эта порождена двумя обстоятельствами. С одной стороны, ЦАБСР как коммерческий банк требует правительственных гарантий по финансируемым им проектам. Правительство же Узбекистана настаивает на том, что сам вклад в уставный фонд банка должен рассматриваться как государственная гарантия. С другой стороны, в силу особенностей валютного режима, практикуемого в Узбекистане, узбекские предприятия фактически не могут воспользоваться кредитами ЦАБСР. Последний кредитует предприятия в свободно конвертируемой валюте и требует возврата кредитов также в валюте. Если в Казахстане и Кыргызстане у заемщиков нет проблем с конвертацией выручки в национальной валюте в доллары, то в Узбекистане они сталкиваются с труднопреодолимыми сложностями перевода прибыли в сумах в свободно конвертируемую валюту.

Фундаментально ни один из членов ЦАЭС не имеет свободных инвестиционных ресурсов, которые могли бы быть переданы для общего освоения. Вместе с тем, переживая инвестиционный коллапс, все страны-участницы, внимательно следят за тем, чтобы распределение кредитов ЦАБСР пропорционально соответствовало их вкладам в уставный фонд. В ситуации острой нехватки капиталовложений никто не собирается собственными скудными ресурсами подпитывать других. Прибыльность конкретных проектов, как и их значимость в среднесрочной и долгосрочной перспективе, значения не имеет.

Анализ проектов сотрудничества, включенных в совместную инвестиционную программу, показывает, что в ней чисто механически объединены предложения многочисленных министерств и ведомств. Фактически это просто перечень всех возможных направлений дву- и многостороннего сотрудничества, которые на момент подготовки инвестиционной программы находились на рассмотрении в чиновничьих кабинетах. Ясно, что соображения экономической эффективности и значимости проектов для экономики региона не играли при составлении программы никакой роли.

По тем же причинам как весьма туманные смотрятся перспективы создания в Центральной Азии транснациональных компаний и финансово-промышленных групп. При налаживании связей на рыночной основе эти предприятия неминуемо столкнутся с проблемой прохождения платежей, которая не может быть решена на микроуровне, а требует гармонизации макроэкономической политики.

10.3. Водные ресурсы: сотрудничество и проблемы

Центральная Азия - регион со сложными природно-климатическими условиями развития. Более половины территории центрально-азиатских государств приходится на пустыни, полупустыни и засушливые степи. Среднегодовой уровень осадков в Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане и Южном Казахстане составляет всего 120-250 мм в год³⁵. Вода является критически важным ресурсом для обеспечения жизнедеятельности населения и ведения сельского хозяйства.

Главным источником воды для центральноазиатских стран служат поверхностные воды, преимущественно реки. Ресурсы подземных

вод ограничены и/или слабо разработаны и обеспечивают от 2% (Туркменистан) до 18% (Кыргызстан) среднегодового совокупного водопотребления (подсчитано по данным табл. 7). Основной водной системы региона являются две крупные трансграничные реки Амударья и Сырдарья с годовым стоком соответственно 69,5 и 37,0 куб. км³⁶. Совокупный сток этих двух и ряда более мелких рек примерно соответствует годовому потреблению воды Узбекистаном, Кыргызстаном, Туркменистаном, Таджикистаном и Южным Казахстаном. Северный же, Восточный и Западный Казахстан входят в природно-климатическую зону Сибири и подпитываются такими реками, как Иртыш, Ишим, Урал и другие.

Таблица 7

Основные характеристики водного хозяйства центрально-азиатских государств, среднегодовые показатели, куб. км и %*

	Казахстан	Узбекистан	Кыргызстан	Туркменистан	Таджикистан
Потребление воды	30,3	52,4	9,0	19,8	12,0
Потенциальные ресурсы подземных вод	47,3	30,0	14,0	1,2	6,4
Утвержденные запасы подземных	13,1	5,2	3,4	1,0	2,1
Забор воды из подземных источников для производства и потребления	2,5	5,7	1,6	0,44	1,8
Сток рек	113(100%)	99(100%)	49(100%)	63(100%)	86(100%)
- формируемый на собственной территории	54(47%)	12(12%)	48,7(99%)	0,46(0,7%)	57(60%)
- формируемый на территории бывших советских республик	35(32%)	88(88%)	0,37(0,8%)	59,9(94,9%)	19(22%)
- формируемый за пределами бывшего СССР	24(21%)	-	-	2,8(4,4%)	15(18%)

* - основная масса данных, включенных в таблицу, относится к середине 80-х гг. Во некоторых случаях, испытывая дефицит исходных данных, мы использовали показатели как за

более ранние, так и более поздние периоды. В силу высокой инерционности природных и водохозяйственных систем материалы, включенные в таблицу, достаточно точно описывают ситуацию на середину 90-х гг.

Составлено и подсчитано по: Содружество Независимых Государств в 1994 году. С. 285, 404,441; Народное хозяйство Республики Узбекистан в 1993 г. С. 283; Статистический ежегодник Казахстана, 1992. С. 166, Зекцер И. С. Ресурсы подземных вод и их использование. С. 24, Гидроэнергетика и комплексное использование водных ресурсов СССР. С. 41.

В страновом разрезе речные водные ресурсы распределены крайне неравномерно. Если обратиться к усредненным за несколько лет данным, то оказывается, что лишь в Кыргызстане и в меньшей степени Таджикистане речной сток формируется на территории самих этих государств. В Казахстане удельный вес речного стока, формирующегося на его территории, составляет 47%, Узбекистане - 12% и Туркменистане - всего 0,7% (см. табл. 7). Говоря другими словами, водопотребление Туркменистана, Узбекистана и в меньшей степени Казахстана (преимущественно южной его части) формируется на территории соседних стран.

Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан привязаны к бассейну Амударьи, Кыргызстан, Узбекистан, Казахстан и Таджикистан - к бассейну Сырдарьи.

Раздел стока трансграничных вод является важнейшим вопросом межгосударственных отношений в Центральноазиатском регионе. Без договоренностей с соседями о квотах потребления ограниченных водных ресурсов сельское хозяйство Узбекистана, Туркменистана и Южного Казахстана быстро сойдет на нет, а и без того ошутимый дефицит питьевой воды обострится сверх всяких терпимых пределов.

Дополнительную актуальность водному вопросу придает то обстоятельство, что в советское время в Средней Азии и Южном Казахстане была создана сложнейшая разветвленная система, объединившая в единый природно-производственный цикл водные источники, колоссальные искусственные водотехнические и ирригационные сооружения, а также многочисленные гидроэлектростанции. В рамках этой системы во взаимосвязанный цикл были включены естественный сток рек, работа водных каналов, плотин, дамб, шлюзов, гидроузлов, водохранилищ, оросительных систем и генерирование электроэнергии гидроэлектростанциями.

При этом деятельность этой, частично естественной, а по большей части искусственно созданной, системы скоординирована с сель-

скохозяйственным циклом. Более того, высадка сельскохозяйственных культур в сопредельных центральноазиатских государствах привязана к созданным водно-ирригационным мощностям территориально.

Функционировать эта разветвленная система может лишь в режиме достаточно жестких временных и технических ограничений. Так, и Амударья, и Сырдарья питаются водами тающих горных ледников, поэтому заполнение их естественного русла, а также созданных на их базе водохранилищ и оросительных систем водой возможно лишь в строго определенное время года. Другой пример. Несвоевременный спуск воды из водохранилищ Кыргызстана может парализовать и в буквальном смысле разрушить ту часть аграрного сектора в Узбекистане и Казахстане, которые используют ресурсы кыргызских водохранилищ.

В СССР энергетические, водные и аграрные вопросы координировались централизованной плановой системой в рамках единого государства. После образования в Центральной Азии пяти независимых государств вопросы водоснабжения перешли в плоскость межгосударственных отношений. 18 февраля 1992 г. здесь была образована Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия государств Центральной Азии (МКВК). В задачу комиссии входит скоординированное управление водохранилищами, а также водостоком региональных рек³⁷. Деятельность комиссии носит закрытый характер, однако, согласно проникающей в открытую печать информации, проблема определения лимитов водопользования решается центральноазиатскими государствами в атмосфере ожесточенных споров и острых коллизий³⁸.

На фоне бушующего на постсоветском пространстве острейшего экономического кризиса не может не возникать вопрос о распределении расходов на поддержание региональных водно-ирригационных систем в рабочем состоянии. Тем более что сплошь и рядом в Центральной Азии наблюдаются такие ситуации, когда расходы на содержание каналов, водохранилищ, водопроводов, водотоков и т. п. должны нести одни государства, а водные ресурсы используют другие государства (см. об этом выше).

В принципе, без введения платы за воду, включая воду, используемую для поливного земледелия, найти решение проблемы раздела стоков трансграничных региональных рек не представляется возмож-

ным. Однако введение платного водопользования чревато острыми проблемами. Так, в силу всеобщей неплатежеспособности предприятий появление такого компонента производственных издержек, как плата за воду грозит ухудшить и без того непростую ситуацию в реальном секторе. При этом в качестве контрагентов по взаиморасчетам могут выступать лишь государства. Мало того, что такой важный ресурс, как вода, находится в исключительном ведении центральной власти. Дело еще и в том, что плату с потребителей воды трудно собрать даже в пределах одного государства.

По мере углубления экономических преобразований решающее значение приобретает фундаментальная проблема- насколько и до какой степени созданная в регионе энергетическая, водная и сельскохозяйственная система вписывается в рыночные реалии. Дело в том, что в Советском Союзе погоня за валовыми показателями производства электроэнергии, зерна и хлопка оправдывала любые затраты и издержки. Только этим можно объяснить колоссальный масштаб ресурсов, затраченных на проведение водно-технических и ирригационных работ, при достаточно скромных конечных результатах.

Площадь орошаемых земель в Средней Азии и Казахстане к началу 90-х гг. по сравнению с досоветским периодом удалось увеличить почти в четыре раза (см. табл. 8). Новые независимые государства унаследовали систему, которая недееспособна без периодических колоссальных вливаний, а в рыночном смысле неэффективна. В то же время она поддерживает жизнедеятельность населения, а также служит основой сельскохозяйственного производства.

Утрата внешних источников финансирования в лице общесоюзного центра при неспособности самих центральноазиатских государств поддерживать созданную систему в рабочем состоянии (во всяком случае в прежних размерах) открывает следующие альтернативы.

Либо унаследованная система будет саморазрушаться до некоего порогового уровня, за которым наступит ее стабилизация, либо процесс демонтажа этой системы и ее адаптация к новым условиям будет проходить более или менее организованно под контролем заинтересованных государств. Практика последних лет показывает, что в реальной действительности наблюдается и то, и другое.

Таблица 8

*Площадь орошаемых земель в центрально-азиатских государствах,
млн га*

	до 1917 г	1974 г.	1989 г.
Казахстан	696	1539	2294
Узбекистан	1339	2825	4164
Кыргызстан	425	1000	1034
Туркменистан	307	744	1259
Таджикистан	211	543	691
Пять государств	2978	6651	11442

Источники: Народное хозяйство СССР в 1989 г. С. 456; Овсянников Н. Г. Водные ресурсы СССР, их использование и охрана. С. 123, 126, 131, 132, 135.

Фактор воды является решающим и для определения перспектив аграрной эволюции центральноазиатских государств. Введение частной собственности на землю, что само по себе представляет собой непростую задачу, мало что решает. Вода была и остается основным фактором производства для земледелия. Одновременный слом унаследованных централизованных систем земле- и водопользования грозит обернуться массовым хаосом и дестабилизацией региона. На более или менее решительные шаги в реформировании аграрного сектора могут решиться лишь те страны, которые не испытывают дефицита водных ресурсов, скажем, Кыргызстан, и частично Казахстан на той территории, которая принадлежит вододостаточной природно-климатической системе Сибири. Для Узбекистана и Туркменистана быстрая приватизация в аграрном секторе без учета водного фактора сродни самоубийству.

В не менее сложный узел сплелись водохозяйственные проблемы вокруг Аральского моря. В 1994г . центрально-азиатская пятерка образовала международный фонд спасения Арала. Средства фонда было решено формировать из вступительных взносов государств-участников, а также их ежегодных отчислений в размере 0,3% ВВП. Стоит ли говорить, что государства Центральной Азии не имеют финансовых средств даже для того, чтобы подступиться к решению проблем, порожденных сокращением зеркала водной поверхности моря. Фонд

был создан ими скорее для придания этим проблемам международного звучания. Убедившись в бесперспективности выработать некий общий подход к решениям проблем Арала, а главное - не имея в своем распоряжении достаточных ресурсов, центральноазиатские страны все активнее проводят самостоятельную политику в решении проблем Арала.

Так, в январе 1997 г. Казахстан завершил строительство дамбы, разделившей единое водное пространство моря на два водоема - восточный (Казахстан) и западный (Узбекистан). Воды Сырдарьи перестали поступать в западную часть Аральского моря, а уровень воды в восточной его части начал медленно подниматься. По-видимому, с практической точки зрения такое решение было единственно верным. Оно позволяет хотя бы надеяться на стабилизацию той части моря, которая примыкает к Казахстану. В то же время/Это политически чувствительное решение, так как оно отсекает от стока Сырдарьи узбекскую часть моря. Очевидно, что в том числе и в результате этого решения довольно скоро и без того непростая социально-экономическая и демографическая обстановка в узбекском Каракалпакстане обострится еще более. С этой точки зрения регулярные встречи центральноазиатских лидеров по проблемам Арала носят профилактический характер. Они позволяют цивилизованным образом снять взаимные претензии и выработать компромиссные подходы.

10.4. Перспективы регионального сотрудничества

Детальный анализ экономического взаимодействия между центральноазиатскими странами позволяет утверждать, что решающим фактором формирования в регионе протоинтеграционных образований и союзов служат не столько экономические, сколько природно-географические и политические соображения. Само рассмотрение Центральной Азии в качестве единого региона, пронизанного плотными системами экономического взаимодействия, представляет собой большую натяжку. По мере неизбежного размывания советского наследия искусственность этой целостности будет проявляться все заметнее.

Какие-либо серьезные экономические предпосылки, стимулирующие развитие региональных интеграционных процессов, здесь в

настоящее время отсутствуют. Во-первых, в ходе продолжающегося экономического спада происходит сближение структуры национальных экономик пяти государств. У них отсутствует необходимая для интеграции, или даже для более тесного сотрудничества, взаимодополняемость народно-хозяйственных комплексов.

Во-вторых, все центральноазиатские страны располагают примерно одинаковым набором факторов производства. Все они страдают от избытка трудовых ресурсов. Причем из-за сохраняющихся высоких темпов демографического роста (за исключением Казахстана) и глубокого экономического спада абсолютный и относительный избыток трудовых ресурсов быстро нарастает. Напротив, повсеместно ощущается острейший дефицит внутренних сбережений и накоплений.

В-третьих, формирующиеся стратегии национального развития в эксплицитной или имплицитной форме ориентируются на импорт-замещение, а в Туркменистане и Узбекистане - на хозяйственную автаркию. Этот курс подпитывается как во многом сходной нацеленностью природными, особенно энергетическими, ресурсами, так и стремлением улучшить сальдо торгового и платежного балансов.

В-четвертых, серьезным препятствием для координации усилий в экономической сфере служат особенности институциональной среды. В то время как в Казахстане и Кыргызстане эта среда приблизилась к рыночным образцам, в Узбекистане и Туркменистане самостоятельные рыночные агенты практически отсутствуют, а хозяйственные системы можно уподобить единой фабрике, аналогично тому, как это было в советской экономике.

В-пятых, центральноазиатские государства придерживаются слабо совместимых подходов к экономическому развитию на уровне макроэкономической политики и стратегий развития. Если в Казахстане и Кыргызстане произошел сознательный и эвентуальный демонтаж государства как института, оказывающего серьезное воздействие на весь процесс социально-экономического развития, то в Узбекистане и Туркменистане, напротив, все последние годы шло последовательное наращивание вмешательства государства в экономику. В Таджикистане же государство как институт так и не получило даже минимальных шансов на становление из-за многолетних военных столкновений и межкланового противоборства.

Учитывая эти и многие другие сопутствующие моменты, в регионе трудно ожидать интеграционного прорыва. Дело даже не в трудностях переходного периода. Отмеченные моменты подводят к выводу о том, что для широкомасштабной интеграции в Центральной Азии отсутствует какая-либо база.

Сказанное не означает, что экономическое взаимодействие между центральноазиатскими странами обречено вовсе сойти на нет. Оно безусловно, будет развиваться как в рамках единых хозяйственных систем, унаследованных от Советского Союза, так и в некоторых новых областях и сферах. Унаследованные от советского прошлого единые (или очень сильно взаимозависимые) энергосистема, нефте- и газопроводы, общая транспортная и водная инфраструктура остаются в настоящее время главными скрепами экономического взаимодействия в регионе. Нельзя не отметить, что в ряде случаев это вынужденное взаимодействие, не имеющее альтернатив.

Более других в региональном сотрудничестве заинтересованы Кыргызстан и Таджикистан. При этом для Кыргызстана в качестве экономических партнеров примерно одинаково важны и Казахстан, и Узбекистан. Таджикистан же, особенно северная его часть, ориентирован прежде всего на Узбекистан. Для Казахстана и Узбекистана первоочередное значение имеют их двусторонние связи между собой, хотя относительная значимость последних существенно снизилась.

Туркменистан менее других центральноазиатских государств испытывает нужду в наращивании регионального взаимодействия. Мало того, что туркменский экспорт практически целиком уходит вовне региона, но это также единственная страна, которая не нуждается в кооперации с соседями для возможной прокладки газопроводов на мировые рынки.

Имеются веские основания полагать, что в обозримой перспективе в Центральной Азии вряд ли возникнут тесные региональные экономические группировки. В лучшем случае здесь может появиться достаточно рыхлое образование, подобное Совету сотрудничества государств Персидского залива.

Потребность в таком образовании определяется географией и бедностью центральноазиатских стран. Не имея выходов к морю, ни Казахстан, ни Узбекистан не могут рассчитывать на превращение в крупных экспортеров углеводородов без тесного взаимодействия со

своими соседями. Цементирующим каркасом такого потенциального объединения могут выступать лишь внешние для региона силы. У центральноазиатских государств, как по отдельности, так и вместе, нет ни средств, ни возможностей для финансирования многомиллиардных проектов в области добычи и транспортировки нефти и газа.

При этом следует иметь в виду, что каждое из государств Персидского залива располагает собственным выходом к морю, а значит и к мировым торговым путям, что делает их независимыми друг от друга. Согласование экономических стратегий и политических курсов территориально запертых центральноазиатских государств, находящихся к тому же в ситуации жесточайшего социально-экономического кризиса, представляет собой несоизмеримо более сложную задачу.

Региональный союз Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана, к которому позднее присоединился Таджикистан, призван хотя бы частично компенсировать слабость национальной государственности каждого из его участников и укрепить их переговорные позиции при диалоге между собой, а также с внешним миром.

В первую очередь это касается взаимодействия с Россией, которая остается главным экономическим партнером для всех центральноазиатских государств за исключением Туркменистана. Находясь в асимметричной зависимости от российского рынка, Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан пытаются выстроить систему политических противовесов, позволяющих им поддерживать более равноправные отношения с Россией.

В принципе, ЦАЭС усиливает позиции Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана и при их взаимодействии с Турцией, Ираном, а также в рамках Организации экономического сотрудничества и Содружества тюркоязычных государств. Заметно уступая сопредельным странам по экономическому потенциалу, центральноазиатская четверка тем не менее жестко блокирует любые поползновения более мощных соседей взять на себя роль нового «старшего брата» или «старшей сестры» для региона.

Политизация регионального сотрудничества в Центральной Азии подпитывается и постоянной угрозой расползания нестабильности из Таджикистана, а также фактически распавшегося на отдельные территории Афганистана.

Следует учитывать, что ЦАЭС не является ни единственным, ни важнейшим протоинтеграционным образованием в регионе и на постсоветском пространстве. Мало того, что Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан являются участниками СНГ, но и все они, за исключением Узбекистана, входят в Таможенный союз с Беларусью и Россией. Значимость экономического взаимодействия с Россией для них несопоставима с сотрудничеством в ЦАЭС.

На наш взгляд, сотрудничество на региональном уровне никак не противоречит развитию связей центральноазиатских государств с Россией. Если отвлечься от многочисленных спекуляций на эту тему, то эти две линии скорее дополняют, чем блокируют друг друга. Более того, с учетом структуры экономического взаимодействия, сложившегося еще в советское время, наращивание торговли Центральной Азии с Россией, по-видимому, способствует росту торговли и внутри региона. Верно и обратное.

Примечания

¹ Попытка сопоставить межреспубликанские торговые связи в позднесоветский и постсоветский период предпринята в: Эльянов А.Я., Ушакова Н. А. Внешнеэкономические связи стран Центральной Азии в стадии трансформации. Однако сами авторы отмечают, что их расчеты, ввиду отсутствия параллельных данных о динамике физического объема экспорта и импорта, а главное — использования для начала 90-х гг. так называемых внутренних «цен», имеют приблизительный характер

² Подсчитано по: табл. 6 и 7 Приложения к разд. II и источникам к этим таблицам.

³ См. табл. 2 гл 5.

⁴ Разгуляев Ю. Энергетика Киргизии: проблемы и перспективы // Азия. Экономика и жизнь. № 10. С. Сентябрь 1995 С. 19.

⁵ Доброта Л Вода уходит, а хлопкоробам нечем поливать // Казахстанская правда. 2 июня 1998. С. 2.

⁶ Разгуляев Ю. Ледник в кармане не унесешь // Азия. Экономика и жизнь № 37. Сентябрь 1996. С. 22.

⁷ Кешимов А. Воды будет меньше, чем в прошлом году // Казахстанская правда. 9 февраля 1996. С. 2.

⁸ Все мы в единой лодке. Но считать надо // Азия Экономика и жизнь № 36 Сентябрь 1997 С. 17.

⁹ Разгуляев Ю Ледник в кармане не унесешь

¹⁰ Разгуляев Ю Вода течет мимо полей//Деловой мир. 1 июня 1996 С 2

¹¹ Деловой мир. 15 января 1997 С 2

¹²См., например, Pannier B. The Gordian Knot of Energy // Transition. 21 February 1997. P. 36-37; Джевдетов Р. Казахстан ждет дешевого узбекского газа // Сегодня. 11 мая 1995. С. 8.

¹³Некрасов В. Грозит ли Казахстану «газовая блокада» // Алмаатинский бизнес-вестник. № 19. 8 марта 1994. С. 2.

¹⁴All Over the Globe // Время по Гринвичу. № 22. 21 March 1997. С. 2.

¹⁵Панорама № 14. 12 апреля 1995. С. 5.

¹⁶Lozovskaya L. Kyrgyzstan Cuts Deal with Uzbekistan // Kyrgyzstan Chronicle. № 10. 13-19 March 1996. P. 2.

¹⁷Ibidem.

¹⁸Джевдетов Р. Казахстан ждет дешевого...

¹⁹Деловой мир. № 10. 6-12 сентября 1996. С. 4.

²⁰«Железная дорога» не дойная корова // Азия. Экономика и жизнь. № 7. Февраль 1996. С. 17.

²¹Кузьменко Б. Республика пересматривает свою аграрную стратегию // Business MN. № 13. 30 марта 1994. С. 9.

²²Панорама. № 14. 12 апреля 1995. С. 5.

²³Замерзают у моря тепла // Деловой мир. 21 ноября 1995. С. 2.

²⁴Панорама. № 14. 12 апреля 1995. С. 5.

²⁵Тараков А. Двустороннему сотрудничеству задан новый импульс // Казахстанская правда. 9 апреля 1997. С. 1.

²⁶Хе О. Казахстан отменил ограничения на импорт товаров из Кыргызстана // Панорама. № 35. 10 сентября 1999. С. 5.

²⁷Дрозд Н. Энергетики пяти центральноазиатских государств обсудили общие проблемы // Панорама. № 48. Декабрь 1996. С. 9.

²⁸См.: Внешнеэкономическая деятельность государств Содружества в 1995 году. С. 166-169.

²⁹Пунтус С, Вишнепольский К. Таджикиские металлурги не стреляют в сограждан // Коммерсантъ-Daily. 26 октября 1996. С. 8.

³⁰Сытая Е., Джалилов Т. Срок ультиматума Содирову истек // Независимая газета. 21 марта 1997. С. 3.

³¹Грибова И. Узбекистан и Таджикистан налаживают экономические связи // Сегодня. 12 января 1995. С. 4.

³²Грибова И. Таджикистан полностью зависит от поставок узбекского газа // Сегодня. 24 января 1996. С. 9.

³³Потенциал взаимовыгодного сотрудничества должен быть использован сполна // Азия. Экономика и жизнь. № 24. Декабрь 1995. С. 1; № 1. Июнь 1995. С. 14.

³⁴Галымов Ю. Проблематичный капитал // Деловой мир. 3 апреля 1997. С. 3.

³⁵Бостанджогло А.А., Тушкин А.А. Водные мелиорации. С. 87.

³⁶Вендров С.Л. Ресурсы поверхностных вод и их использование. С. 9.

³⁷Казахстанская правда. 18 февраля 1997. С. 1.

³⁸Бектасов М. Водный баланс на региональном уровне // Азия. Экономика и жизнь. № 6. Февраль 1996. С. 19.